

Два часа ночи. Сквозь щели в дешевых шторах съемной квартиры пробивается тусклый свет, отбрасывая на пол холодные, ломанные тени.

Цзы Юй свернулся калачиком на скрипучей односпальной кровати. Свет экрана смартфона освещал его молодое, но изможденное лицо. На дисплее горело едкое напоминание: Срок платежа: завтра — 10 000 юаней.

Ниже — несколько автоматических сообщений от банка, сухих и давящих: Уважаемый клиент, срок оплаты вашего ежемесячного взноса истекает. Пожалуйста, убедитесь, что на счете достаточно средств.

Шестьсот тысяч.

Рассрочка на шестьдесят месяцев.

Десять тысяч в месяц.

Эта цифра была словно безжалостные песочные часы: каждый месяц она неумолимо забирала львиную долю его тяжелого заработка.

— Папа, мама, я сам справлюсь с этим долгом, не волнуйтесь! — именно так он твердо сказал родителям по телефону, когда подписывал тот грабительский контракт, взвалив на себя шестьсот тысяч долга за «обучение» и «аванс на развитие».

Он не хотел, чтобы родители, проработавшие всю жизнь, оплачивали его мечту. И еще меньше хотел, чтобы они знали, как жалко он существует за блестящим фасадом шоу-бизнеса.

Желудок скрутило от долгого голода и тревоги. Он заставил себя не обращать внимания на боль, встал с кровати и побрел в крошечную ванную.

Холодная вода ударила в лицо. Он поднял голову и посмотрел в зеркало на парня с синяками под глазами и бескровными губами.

Через несколько секунд он глубоко вздохнул, напряг мышцы лица и растянул губы в выученной до автоматизма, стандартной жизнерадостной улыбке.

— Давай, Цзы Юй! Десять тысяч за этот месяц должны быть заработаны! — прошептал он своему отражению, голос его дрожал, но звучал решительно.

Солнечный айдол — это его ярлык, его броня и единственное оружие, которым он мог пробивать себе путь к выживанию. Как бы он ни устал, как бы ни был напуган, перед камерой он обязан быть Цзы Юем — вечно сияющим, полным энергии кумиром.

Он понимал, какая ответственность лежит на его плечах, и не мог позволить родителям, живущим за тысячи километров, переживать за него. Какими бы тяжелыми ни были испытания, он должен сжимать зубы и терпеть, не показывая ни капли боли. Он знал, что родители и так отдали ему слишком много. Если они узнают о его бедах, это станет для них ударом. Поэтому он учился встречать невзгоды в одиночку, скрывая за маской оптимизма свою хрупкость.

Студия, где проходили съемки шоу, была огромной и шумной. Слепящий свет, снующие повсюду сотрудники, выкрики режиссера, напряжение, висящее в воздухе.

Цзы Юй с остальными участниками группы ждал своей очереди в тихом уголке за кулисами. На нем был дешевый костюм прогрессивного студента эпохи Китайской Республики. Текст он знал наизусть, но сердце бешено колотилось.

Гонорар за съемку был невелик, но и это деньги — еще один шаг к заветным десяти тысячам.

— Волнуешься? — капитан похлопал его по плечу.

Цзы Юй энергично кивнул, потом покачал головой, стараясь сохранить улыбку:

— Вроде того, просто... уверенности нет.

Уверенности действительно не было. Айдол в кино? Хорошо, если не засмеют. Но выбора не было — любая возможность засветиться могла принести новую работу.

Их очередь. Яркий луч прожектора ударил в глаза, кровь прилила к голове, судьи и зрители в зале превратились в расплывчатые тени. Он постарался сосредоточиться.

Первая часть прошла гладко, но на ключевом моменте — когда его герой узнает о гибели друга и должен показать шок, горе и ярость — Цзы Юй запнулся.

В голове возникла пустота. Эмоции, которые он так тщательно репетировал, исчезли. Он стоял, бледный, с пустым взглядом, читая текст как по бумажке, скованный, словно деревянный.

— Стоп! — голос режиссера был полон нескрываемого раздражения.

Из судейского кресла донеслись безжалостные комментарии:

— Полное отсутствие игры! Ты что, параграф из учебника читаешь?

— Где эмоции? Гнев и боль не передаются вытаращенными глазами и воплями!

— Айдолам лучше петь и танцевать. Актерство? Слишком высокая планка для вас.

Каждое слово ранило, как игла. Он стоял, опустив голову, вцепившись пальцами в край костюма так, что ногти впивались в ладони.

Стыд, неловкость, сомнение в себе... и глубинный страх: если он все испортил, потеряет ли он даже этот крошечный шанс? Снова налетят хейтеры, ожидающие его провала? Что делать с завтрашним платежом? А в следующем месяце? Он чувствовал, как его маска солнечного парня трескается, обнажая настоящего себя — измученного долгами и отчаянно борющегося за выживание.

Перед глазами промелькнули родители у прилавка с завтраками, и чувство вины накрыло его с головой.

В тот момент, когда Цзы Юй был готов утонуть в океане критики и собственного отчаяния, раздался мягкий, низкий голос, прозвучавший как спасительный глоток воды:

— Подождите.

Цзы Юй резко вскинул голову. В центре судейского стола мужчина в темно-сером костюме отложил ручку. Свет подчеркивал его волевой профиль, высокий мост носа и глубокий, спокойный взгляд.

Цзы Юй узнал его — Сюй Нин. Владелец нескольких престижных кинопремий, признанный мастер, известный своей скромностью и безупречной репутацией.

Сейчас Сюй Нин смотрел на него — без насмешки, без пренебрежения, с каким-то внимательным, почти изучающим интересом.

— Цзы Юй, так ведь? — голос Сюй Нина не был громким, но четко разнесся по студии, неся в себе странную успокаивающую силу. — Сцена с эмоциональным всплеском действительно получилась сырой. Эмоции должны развиваться: от неверия к невыносимой боли и, наконец, к ярости. Это процесс.

Сердце Цзы Юя подскочило к горлу — он ждал очередной порции критики. Но Сюй Нин сменил тон:

— Однако я заметил, что в предыдущих сценах в твоих глазах что-то было. — Сюй Нин слегка подался вперед. — Особенно в тот момент, когда ты услышал слово идеал. Это мгновенное движение души, эта искренность — самое ценное в актерской игре.

Цзы Юй замер. Он никак не ожидал такого отзыва, особенно от актера уровня Сюй Нина.

Горький ком, который он сдерживал во время критики, внезапно подступил к горлу. Он опустил глаза, чтобы скрыть слезы. Не от обиды, а оттого, что его увидели, его оценили — это

было так важно после долгого пути в одиночку.

— Волнение — это нормально, особенно в новой для тебя сфере, — голос Сюй Нина оставался ровным и ободряющим. — Попробуй не думать о том, как сыграть горе. Почувствуй его. Представь, что этот погибший друг — твой товарищ, с которым ты шел плечом к плечу. Человек, который был тебе дорог. Его больше нет, и твой мир рухнул. Что ты чувствуешь? Пустоту? Разрыв в сердце? Ярость, которую некуда выплеснуть?

Слова Сюй Нина стали ключом, отпирающим закрытую дверь в сердце Цзы Юя.

Дорогой человек? Потеря? Эти слова задели его самый глубокий страх — страх потерять шанс изменить судьбу, потерять надежду, подвести родителей, навеки остаться в кандалах этого шестисоттысячного долга.

Настоящее, острое чувство безысходности и протеста мгновенно охватило его — оно было в сто раз сильнее того, что он пытался изобразить раньше. Его глаза действительно покраснели — не от актерской техники, а от боли осознания реальности.

— Запомни это чувство, — Сюй Нин говорил с силой наставника. — Вложи его в роль. Актерская игра — это прежде всего человеческая душа. У тебя есть потенциал чувствовать, не давай технике сковывать его. — Он помолчал и добавил: — Каждый великий актер когда-то был новичком, который стоял здесь и не знал, что делать. Не бойся, попробуй еще раз.

Слова Сюй Нина пронзили мрак, окутывавший Цзы Юя. Фраза о том, что у него есть потенциал, дала ему невиданную смелость и тепло понимания. Сюй Нин открыл ему глаза: даже реальная жизненная боль может стать силой в актерской игре.

Он глубоко вздохнул, стараясь связать пустоту и ярость, описанные Сюй Нином, со своей собственной тревогой, нежеланием сдаваться и решимостью бороться до конца.

Когда режиссер снова скомандовал: Мотор!, Цзы Юй закрыл глаза. А когда открыл их, в них больше не было пустой суеты. В них плескалась настоящая, почти невыносимая боль и ярость человека, готового пробить любую стену!

Его тело перестало быть скованным, оно слегка дрожало. Текст больше не был заученным — это был крик из глубины души, клятва, произнесенная сквозь слезы.

Пусть техника все еще была сырой, но выплеснутая наружу искренность, рожденная тяжестью жизни, вдохнула в персонажа душу.

После выступления в студии наступила тишина. Даже тот судья, что критиковал его жестче всех, выглядел удивленным.

Сюй Нин слегка кивнул, и в уголках его губ промелькнула едва заметная улыбка одобрения.

Сердце Цзы Юя все еще бешено колотилось, но теперь это была радость и облегчение после бури.

Он низко поклонился судьям, невольно снова взглянув на Сюй Нина. Тот смотрел на него в ответ, и в этот миг Цзы Юю показалось, что мягкий свет в глазах актера стал ярче, неся немую поддержку.

Этот взгляд стал невидимой нитью, привязавшейся к его измученному сердцу.

Когда он сошел со сцены, костюм на спине промок от пота. Коллеги по группе окружили его, хлопая по плечам, но мысли Цзы Юя все еще были там, с голосом Сюй Нина.

Этот голос, как невидимая рука, подхватил его в тот момент, когда жизнь была готова раздавить его, и сказал: ты еще силен, не сдавайся.

Съемки закончились глубокой ночью. Стараясь сэкономить на еде, Цзы Юй отказался от приглашения коллег поужинать и, волоча ноги, вернулся в холодную квартиру. Боль в желудке напомнила, что он не ужинал. Он достал пачку самой дешевой лапши и поставил чайник.

Засветился экран телефона — сообщение от мамы в WeChat:

Сынок, ты устал на съемках? Поел? У нас с папой торговля сегодня шла неплохо, не думай о нас, береги себя! С деньгами не спеши, не перетруждайся, здоровье важнее!

К сообщению была прикреплена фотография: крошечный прилавок с завтраками, от которого поднимался пар, и родители, улыбающиеся в тусклом свете фонарей.

Глаза Цзы Юя снова защипало. Он часто заморгал, сдерживая слезы, и быстро набрал ответ:

Мама, я не устал! Съемки прошли отлично, режиссер меня хвалил! Я только что плотно поел, собираюсь спать! Вы с папой тоже закрывайтесь пораньше, не мерзните! С деньгами у меня все под контролем, не переживайте!

Он отложил телефон. Аромат лапши заполнил тесную комнату. Усталость нахлынула снова, долг в шестьсот тысяч и ежемесячный платеж по-прежнему висели над ним, как дамоклов меч. Путь был долгим, и каждый шаг давался тяжело.

Однако, когда сознание уже готово было погрузиться в пучину отчаяния, в голове снова отчетливо прозвучал голос Сюй Нина:

У тебя есть потенциал чувствовать...

Не бойся, попробуй еще раз.

Каждый великий актер когда-то был новичком.

Эти теплые, но полные силы слова стали крошечным, но упрямым огоньком в темноте. Они не только осветили его путь в актерстве, но и бросили луч надежды на его тяжелую дорогу.

Одобрение Сюй Нина дало ему понять: даже в беде он не ничтожество. Искренние чувства, рожденные жизненными трудностями, могут стать его оружием.

Он не может упасть. Ради родителей, ради того, чтобы честно вернуть долг, и ради того, чтобы... не подвести человека, который посмотрел на него с такой надеждой.

Он должен жить, должен карабкаться вверх, хватаясь за любой, даже самый крошечный шанс.

Цзы Юй поднял миску с дешевой лапшой. Пар затуманил зрение, но упрямое пламя в его глазах от этого стало только отчетливее.

За окном город все так же утопал в огнях. Долгий и мучительный путь Цзы Юя к свободе от долгов только начинался. Но теперь, благодаря тому мимолетному взгляду за кулисами и фразе попробуй еще раз, он чувствовал, что больше не одинок.

Этот луч света, может, и не мог разогнать всю тьму ночи, но его было достаточно, чтобы сжать зубы и идти дальше.

<http://bllate.org/book/19183/1883249>